

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Учебное пособие

Под редакцией
С.В. Картунова

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2007

УДК 327(075)
ББК 66.4я7
М64

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Авторский коллектив:

Т.В. Бордачев, М.В. Братерский, Е.В. Водопьянова, П.С. Золотарев,
С.А. Караганов, С.В. Кортунов, Г.И. Мирский, В.С. Овчинский,
Ю.И. Рубинский, В.О. Рукавишников, А.И. Свечников, Н.А. Симония,
А.И. Суздальцев, Д.В. Суслов, А.И. Уткин, Ф.В. Шелов-Коведяев, М.З. Шкундин

Рецензент:

директор Независимого института стратегических оценок С.К. Ознобищев

М64 **Мировая политика** [Текст] : учеб. пособие / под ред. С. В. Кортунова ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 536 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0517-5 (в пер.).

Учебное пособие подготовлено выдающимися отечественными специалистами в области мировой политики и мировой экономики, пытающимися осмыслить главные тенденции и противоречия современной эпохи, выявить основные факторы формирования мировой политики и мировой экономики. Особое внимание уделяется роли и месту России как в отдельных регионах мира, так и в глобальном контексте современных международных отношений.

Для студентов, аспирантов и всех, кто интересуется проблемами мировой политики и мировой экономики.

УДК 327(075)
ББК 66.4я7

Учебное издание

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*

Редактор *З.А. Басырова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *А.И. Паркани*

Корректор *Т.А. Гудкова*

ISBN 978-5-7598-0517-5 (в пер.)

© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

Глава 16

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(А. И. Суздальцев, канд. истор. наук, зам. зав. кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики)

Специфика политико-экономических процессов в основных регионах постсоветского пространства

К началу XXI в. большинство государств постсоветского периода сформировали собственные политические системы, в наибольшей степени адекватные эклектичной политической культуре их обществ и развитию молодых политических классов. Преобладание в политическом сознании населения традиций, частично мифологизированных общепринятых мнений в сочетании с жесткой борьбой за власть придало политическому процессу в странах западной части постсоветского пространства, Закавказья, большинстве стран Центральной Азии и в Казахстане противоречивый характер, периодически приводящий к политическим и конституционным кризисам или поверхностным реформам (конституционный кризис на Украине в 2007 г., политический кризис в Киргизии в 2007 г., конституционная реформа в Казахстане в июне 2007 г. и т.д.)

Преобладание в массовом сознании воззрений, ориентирующих массы не на анализ программ основных политических сил, их целей и первоочередных задач, а на личностные характеристики политических лидеров, их харизматический потенциал и зачастую исключительно декларированные способности держать социально-экономическую обстановку под контролем, способствует укоренению на постсоветском пространстве авторитарного типа политических систем (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Белоруссия, Таджикистан, Грузия).

По
тотали
ричес
нием.
зова п
цу тип
приме
Пре
постсо
развит
стагна
фицита
торита
Казахс
определ
номиче
бильно
ских пр
исполни
ной и и
регуляр
чение, г
бильное
К сег
ства пос
правлен
формы и
ления, ч
кризисо
большей
ется соче
и сменя
мократи
политиче
нений кс
правлящи
подательс
Э. Рахмо
идентов,
Следс
консерва

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

д-р, зав. кафедрой мировой
истории и мировой политики)

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Послевоенный период характеризуется преобладанием авторитарных систем, в наибольшей степени проявившихся в политической культуре их основных классов. Преобладание традиций, частично мифологизированных в сочетании с жесткой борьбой за власть в странах западной Европы, восточной Азии, на Кавказе, в большинстве стран СНГ, свидетельствует об авторитарном характере, пессимистическом и конституционном кризисе (конституционный кризис в Киргизии в 2007 г., в Узбекистане в июне 2007 г. и т.д.) и воззрений, ориентирующих основные политические силы, их основные характеристики политического потенциала и зачастую неспособности держать социальные процессы под контролем, способствует укоренению авторитарного типа политического устройства. Азербайджан, Белоруссия,

Появившаяся в начале 90-х годов прошлого столетия типично тоталитарная политическая система в Туркмении оказалась исторически ограниченной и политически нежизнеспособным явлением. После смерти пожизненного президента Туркмении С. Ниязова политический режим стал быстро эволюционировать к образцу типичного центральноазиатского авторитарного режима по примеру Узбекистана или Таджикистана.

Преобладание авторитарного типа политических систем в странах постсоветского пространства привело к консервации политического развития молодых государств, замкнутости их политических систем, стагнации в развитии политических классов и, как следствие, к дефициту новых политических лидеров. Одновременно развитие авторитаризма предоставило определенную передышку населению Казахстана, Белоруссии, Узбекистана, Азербайджана, позволив на определенное время стабилизировать политическую и социально-экономическую обстановку в этих странах. В итоге достижение «стабильности» стало одним из основных политических и пропагандистских приоритетов правящих кругов этих государств. Доминированию исполнительных структур власти, декоративной роли законодательной и исполнительной властей, использованию силовых методов регулирования общественных отношений придается сакральное значение, предполагается, что такая структура общества обеспечит стабильное и устойчивое развитие.

К середине первого десятилетия XXI в. практически все государства постсоветского пространства выбрали президентскую форму правления. Украина с 2006 г. вошла в стадию конституционной реформы и приблизилась к парламентско-президентской форме правления, что, однако, не оградило страну от тяжелых конституционных кризисов (апрель — октябрь 2007 г.). Спецификой используемой в большей части стран СНГ президентской формы правления является сочетание признаков президентской формы правления (выборность главы исполнительной власти, декларирование демократического механизма формирования власти) с авторитарной формой конституций, созданию открытых для администрирования правящими кругами избирательных систем (избирательного законодательства), появлению практически несменяемых (Н. Назарбаев, К. Рахмон, А. Лукашенко и т.д.) или пожизненных (С. Ниязов) президентов, а также наследственных президентств (Азербайджан). Следствием авторитаризации президентской власти оказалась консервация унитарных форм государственных устройств большей

частью многонациональных стран постсоветского пространства. Борьба федералистских и унитарных тенденций во второй половине первого десятилетия XXI в. окажется постоянным политическим фоном не только для стран западного Кавказа (Грузия, Азербайджан), но и для отдельных государств Центральной Азии (Киргизия).

Проблема самопровозглашенных государств

Проявившиеся в разгар формирования национальных государств (90-е годы прошлого столетия) региональные конфликты, приведшие к появлению самопровозглашенных государств (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия), изначально являлись следствием применения силовых методов борьбы федералистских и унитарных тенденций. «Замораживание» проблемы самопровозглашенных государств способствовало выходу конфликтов на международный уровень в формате борьбы извечных принципов права нации на самоопределение и необходимости сохранения территориальной целостности государств, что в принципе делает невозможным решение проблемы в виде компромисса, так как «признать их независимость, оставаясь в рамках международного права, невозможно».

Самопровозглашенные государства постепенно укрепляют свой суверенитет, формируют независимый от метрополий конституционный строй, ищут свое место в региональном разделении труда и, как следствие, оказывают дестабилизирующее влияние не только на политическое поле стран, в составе которых они формально находятся (Грузия, Молдавия), но и на их государственную устойчивость. Наличие нерешенных проблем с самопровозглашенными государствами объективно ставит под сомнение суверенитет Грузии и Молдавии, делает Кишинев и Тбилиси политическими колониями Европейского Союза и НАТО.

Основные группы государств постсоветского пространства

Проблемы сохранения территориальной целостности, легитимности президентской власти, выработки собственного политического и экономического курса (формирование национальных социально-экономических моделей развития), осложненные задачи

ми созд
не полу
Разделе
группы
ческим
Еврази
интриг
тыми в
стран п

К кс
сия, М
ключит
среднее
носителей
новых
лургии
русског
российс
ционир
гоносит
диалога
гося в к
полити
ритории
Востоци
сийски

Инте
государ
жан) —
коммун
рынок.
телей (1
группы
объекты
полити
Ирана)
ренних
теской

Анал
кой и в
йти м

советского пространства. Идентичность во второй половине постоянного политическое пространство (Грузия, Азербайджан, Центральная Азия (Кирги-

государств

национальных государств. Многие конфликты, приведшие к распадам государств (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Чечня) являлись следствием этнополитических и унитарных проблем и самопровозглашенных движений на международном уровне. Принцип права наций на самоопределение делает невозможным отказ от признания их независимости. Как «признать их независимость, не нарушая принципов права, невозмож-

но постепенно укрепляют свой авторитет метрополий конституциональным разделением труда и усиливающее влияние не только на территории, но и в тех государствах, которые они формально признают. Многие государства сохраняют свою государственную устойчивость и самостоятельность благодаря самопровозглашенным режимам в Грузии и Афганистане и политическими колони-

постсоветского пространства

и сохранении целостности, легитимности и собственного политического суверенитета (например, независимость национальных движений), осложненные задача-

ми создания национальных экономик, к 2005–2007 гг. не только не получили своего разрешения, но и повсеместно усугубились. Разделение стран постсоветского пространства на две основные группы, непосредственно связанные с территориально-экономическим и политическим доминированием России в данном регионе Евразии, к концу XX в. превращается в главную политическую интригу для стран СНГ, где основные проблемы оказались втянутыми в геополитический «треугольник» между двумя группами стран постсоветского пространства и Россией.

К концу первого десятилетия XXI в. Украина, Грузия, Белоруссия, Молдавия остаются государствами, заинтересованными исключительно в импорте максимально дешевых по сравнению со среднеевропейскими российских и центральноазиатских энергоносителей, что составляет основу конкурентоспособности их основных экспортных отраслей: нефтехимии (Белоруссия), металлургии (Украина), грузинского, украинского, молдавского и белорусского АПК. Сохранение транзитного контроля над экспортом российских энергоносителей, а также возможностей для несанкционированного отбора нефти и газа и соблазнов реэкспорта энергоносителей на рынок ЕС составляют основу внешнеполитического диалога Киева и Минска с Москвой, периодически скатывающегося в конфронтацию. Энергетическая проблема обеспечивает геополитическое позиционирование Грузии и Азербайджана как территорий, обеспечивающих в перспективе проникновение на рынок Восточной, Центральной и Западной Европы альтернативных российских энергоносителей Центральной Азии.

Интересы второй группы стран постсоветского пространства — государств Центральной Азии и частично Закавказья (Азербайджан) — связаны со стремлением получить максимально доступные ресурсы. Ориентация на иные, альтернативные рынки энергоносителей (Китай, Индия, Иран и т.д.) для большей части стран второй группы (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) или затруднена по объективным обстоятельствам (география, напряженная военнополитическая обстановка в Афганистане, международная изоляция Ирана), или сталкивается с комплексом сложных внешних и внутренних проблем, связанных с растущей политической и экономической ролью Китая в Центральной Азии.

Анализ внутренней и внешней политики правящих кругов первой и второй группы стран постсоветского пространства позволяет увидеть много общего на внутреннем политическом поле молодых

государств, но одновременно выделить отличия в их позиционировании на внешней арене.

Лимитрофная политика как этап становления молодых политических классов

Специфика внешней политики стран первой группы заставляет вспомнить понятия из истории международных отношений 20–30-х годов прошлого века — «лимитрофы» и «лимитрофная внешняя политика». Лимитрофная политика является индикатором определенного, скорее первичного, этапа развития политических классов Украины, Грузии, Белоруссии, Молдавии, находящихся в процессе поиска национальных политических и экономических моделей развития. Вхождение стран Прибалтики в ЕС и НАТО не ликвидировало экономическую и политическую основу для проведения ими типичной лимитрофной внешней политики, что говорит о том, что включение политических классов Литвы, Латвии и Эстонии в общеевропейское политическое поле только отчасти ускорило вызревание полноценной национальной элиты.

В основе лимитрофной политики лежит стремление играть на противоречиях между Россией и Западом (США, ЕС), периодически обостряющихся как на мировой политической арене, так и на постсоветском пространстве. Составной частью лимитрофной политики являются попытки привлечь внимание великих держав к проблемам Украины, Белоруссии или Грузии, провоцирование сложных политических кризисов по периметру российских границ, организация пропагандистских кампаний как против России (Грузия или Украина), так и против США или ЕС (Белоруссия).

Ключевым звеном в лимитрофной внешней политике является выбор («продажа») внешнеполитического вектора, рассчитанного на получение политической и экономической поддержки от ЕС, РФ, США. Использование различного рода стратегий «добрососедства» со стороны ЕС или неустанные попытки российского руководства инициировать все новые формы интеграции на постсоветском пространстве создают своеобразный рынок лимитрофных «услуг», стимулируют появление политических сил, декларирующих ориентацию на сильнейшего внешнеполитического игрока. Чаще всего сильнейшим оказывается Европейский Союз, что позволяет правящим и оппозиционным политическим силам публично заявлять о «европейском выборе» Украины («Наша Украина»

Блок Юл
оппозици
Вхождени
западный
рациях, н
ком, в гра
Специ
нении ее
ствии во
внутренне
литическ
внешних
с другой —
желаемым
постсовет
революци
в Белорус
тябрь — де
ского криз

Геопол простр

Глубоки
части пост
ных этапа
правлящим
(90-е годы
между все
ши, Румын
России сох
стве — с д
лени Г. Ал
прозападн
ющие прор
мировых це
внешних си
базе накопи
литических
революций

отличия в их позициони-

нования

первой группы заставля-
дународных отношений
грофы» и «лимитрофная
ка является индикатором
а развития политических
Молдавии, находящихся в
ческих и экономических
балтики в ЕС и НАТО не
ческую основу для про-
ешней политики, что го-
х классов Литвы, Латвии
ское поле только отчасти
ональной элиты.

сит стремление играть на
(США, ЕС), периодичес-
тической арене, так и на
частью лимитрофной по-
мание великих держав к
Грузии, провоцирование
метру российских границ,
и как против России (Гру-
и ЕС (Белоруссия).

шной политике является
о вектора, рассчитанного
еской поддержки от ЕС,
юда стратегий «добросо-
топытки российского ру-
ы интеграции на постсо-
ный рынок лимитрофных
ческих сил, деклариру-
неполитического игрока,
юлейский Союз, что по-
литическим силам публи-
жайны («Наша Украина»

Блок Юлии Тимошенко), Белоруссии (основная часть белорусской оппозиции), Грузии (основные политические партии Грузии). Вхождение в НАТО рассматривается как первый этап, ступенька в западный мир, что закрепляется не только в политических декларациях, но и в комплексе соглашений с Североатлантическим блоком, в графике вхождения в НАТО (Грузия).

Специфика лимитрофной политики заключается в распространении ее принципов на внутреннее политическое поле, присутствии во внутривнутриполитической борьбе внешних сил (Румыния на внутреннем политическом поле Молдавии, роль ЕС и США в политической борьбе на Украине и т.д.). Организация столкновения внешних сил — прежде всего ЕС и США с одной стороны и РФ — с другой — на собственном политическом поле зачастую является желаемым результатом для правящих кругов стран западной части постсоветского пространства. Примерами являются «оранжевая революция» на Украине (2004–2005 гг.), президентская кампания в Белоруссии (2005–2006 гг.), российско-грузинский кризис (октябрь — декабрь 2006 г.), энергетический этап российско-белорусского кризиса (декабрь 2006 г. — февраль 2007 г.).

Геополитический выбор ведущих стран постсоветского пространства

Глубокий анализ развития политических классов стран западной части постсоветского пространства позволяет выделить три основных этапа в постепенной эволюции внешнеполитического выбора правящими кругами этих стран. Появление на первом этапе (90-е годы XX в.) лидеров, способных годами искусно лавировать между все более обозначаемыми интересами ЕС, а также Польши, Румынии, США, Турции, с одной стороны, и стремлением России сохранить свою сферу влияния на постсоветском пространстве — с другой (Л. Кучма, Э. Шеварднадзе, в определенной степени Г. Алиев), сопровождалось расколом политических сил на прозападные движения и политические группировки, декларирующие пророссийскую политику. На рубеже веков вместе с ростом мировых цен на энергоносители начался этап активного втягивания внешних сил во внутреннюю политическую борьбу, что в итоге на базе накопившихся объективных социально-экономических и политических проблем способствовало появлению волны «цветных революций». Украинская «оранжевая революция» привела к лобо-

вому столкновению на политическом поле страны западного и российского векторов, углублению раскола политических классов (второй этап).

На третьем этапе, который в настоящее время в наибольшей степени проявился на Украине и в Грузии, несмотря на периодические политические и даже конституционные кризисы, политические классы заканчивают или закончили выбор основного внешнеполитического партнера. В определенной степени рост международного влияния и экономической мощи России при отсутствии у Москвы конкурентного европейскому привлекательного интеграционного проекта заставил правящие круги стран западной части постсоветского пространства сделать однозначный прозападный выбор, что частично совпало не только с быстрой эволюцией элит, но и с появлением у правящих кругов Украины и Грузии более-менее осмысленной прозападной и одновременно антироссийской стратегии.

В частности, на Украине в разгар кризиса обнаружилось, что партия президента В. Ющенко «фактически примыкает к регионалам по обслуживанию интересов крупного капитала...» В принципе, общая социальная база, косвенным доказательством чему явились активные миграции депутатов Верховной Рады из одной фракции в другую, способствовала приходу противостоящих сил к компромиссу в виде парламентских выборов 30 сентября 2007 г.

В то же время переход российского руководства к прагматичной политике на постсоветском пространстве, постепенный ввод экономических связей между Россией и странами СНГ в рыночный формат явились не причиной, а следствием ухода большинства стран западной части постсоветского пространства в европейское экономическое «соседство», их стремления оказаться под политическим контролем НАТО, отказа от участия в совместных экономических проектах (ЕЭП).

На Украине третий этап в наибольшей степени проявился в период конституционного кризиса 2007 г. В отличие от этапа «оранжевой революции», когда Москва все-таки приняла крайне ограниченное участие в политическом урегулировании, посредниками между противостоящими сторонами в мае — июне 2007 г. выступили исключительно страны ЕС и непосредственно Брюссель.

Переход к третьему этапу не только не освободил политические силы Украины, Белоруссии, Грузии и Молдавии от традиционной антироссийской политической риторики, но и в определенной

степени группированному сдвигу («давлению революционным»), ответственность за январь Запада. соседям о таких лживых стратегиях энергетического диктатора Украины ретаря.

В Бельгии вектор переориентируется деконструкция митрофановского Запада и кампания демонстрации в Брюсселе условия чешского периода (США), кончил позицию в очереди и Россия наде.

страны западного и
политических классов

время в наибольшей
всего на периоди-
ые кризисы, полити-
бор основного внеш-
степени рост между-
оссии при отсутствии
влекательного интег-
и стран западной час-
значный прозападный
трой эволюцией элит,
ины и Грузии более
енно антироссийской

за обнаружилось, что
и примыкает к регио-
о капитала...» В прин-
показательством чему
овной Рады из одной
противоборствующих
выборов 30 сентября

дства к прагматичной
остепенный ввод эко-
ими СНГ в рыночный
м ухода большинства
ланства в европейское
оказаться под полити-
в совместных эконо-

степени проявился в
в отличие от этапа «оран-
приняла крайне огра-
вании, посредниками
ае — июне 2007 г. вы-
редственно Брюссель
вободил политические
авии от традиционной
но и в определенной

степени усилил ее накал. Антироссийская пропаганда по традиции группируется вокруг двух основных тезисов: угроза государственному суверенитету со стороны «имперской России» и использование энергоносителей в качестве «политического инструмента» давления на транзитные государства как для борьбы с «оранжевой революцией» («газовая война» 2006 г. между Киевом и «Газпромом»), так и в попытке «заставить меня пойти на сдачу государственного суверенитета Республики Беларусь» (А. Лукашенко — январь 2007 г.). В целом, данная тактика находит поддержку на Западе. «Москва все еще часто проявляет в отношениях со своими соседями бескомпромиссный менталитет, особенно когда речь идет о таких странах, как Грузия и Украина, которые предпочитают налаживать более тесные евро-атлантические связи. Мы и европейские страны выступили против того, чтобы Россия применяла энергоносители для оказания политического и/или экономического давления на соседние государства, как это было в случае с Украиной в 2006 г.», — отмечает помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Д. Фрид.

В Белоруссии традиционная лимитрофная политика «продажи вектора» привела к закономерному кризису — официально декларируемый пророссийский вектор белорусского руководства оказался декоративной ширмой, прикрывающей традиционные для лимитрофов попытки столкнуть на белорусском политическом поле Запад и Россию, многолетнюю антироссийскую пропагандистскую кампанию в белорусских СМИ, шантаж российского руководства демонстративными и скрытыми переговорами с Вашингтоном и Брюсселем, угрозы пересмотреть экономические и политические условия российско-белорусских отношений. Белорусский политический феномен 2007 г. заключается в том, что в ситуации, когда период лавирования между основными политическими игроками (США, ЕС и Россия) на постсоветском пространстве в целом закончился, президент Белоруссии А. Лукашенко, второе десятилетие позиционирующий свой режим как союзный России, принял решение попытаться сыграть вполне лимитрофную партию на волне очередной раз резко обострившихся отношений между Западом и Россией. Однако его «услуга» оказалась не востребована на Западе.

Энергетический фактор как основа политической и социально-экономической стабильности постсоветского пространства

За последние десять лет влияние энергетического фактора на социально-экономическую и политическую ситуацию и, как следствие, на выработку национальных стратегий государств постсоветского пространства усилилось. Моноэкспорт такого политического товара, как энергоносители, в целом оказывает негативное влияние на развитие политических классов стран-экспортеров, способствует эволюции общественно-политических систем. Высокие цены на углеводородное сырье, поставляемое на мировые рынки, значение энергетического транзита в условиях неразвитых политических структур, отсутствия традиций разделения властей, советское политическое наследие оказались экономическим базисом для жестких авторитарно-тоталитарных режимов, обосновавшихся на постсоветском пространстве (Туркмения, Белоруссия).

Источником реальной власти на постсоветском пространстве оказалось обладание полезными ископаемыми, прежде всего гидрокарбонатами. К началу XXI в. вокруг основных источников полезных ископаемых и коммуникаций по их транспортировке на Западе сформировались структурированные властные группировки, имеющие в своей основе старые, еще постсоветские кланы или кланы, вновь организовавшиеся по региональному, земляческому (Украина, Белоруссия), семейному (Грузия, Азербайджан), семейно-земляческому (Центральная Азия, Казахстан) принципу. В условиях авторитарного строя клановая система, обильно подпитываемая нефтедолларами за экспортируемые или транзитные энергоносители, подменяет политические классы, замедляет или при наличии жесткого политического контроля со стороны правящей группировки вовсе исключает их эволюцию (Туркмения, Белоруссия, Казахстан).

Сформировавшаяся система только внешне является политически стабильной. На самом деле, расширяя свое влияние на все стороны жизни пока слабого молодого государства и неразвитого общества, что характерно практически для всех стран постсоветского пространства, она подменяет механизм принятия решений, ликвидирует реальное разделение властей, начинает паразитировать на народных мнениях, мифах и инстинктах. Постепенно возникает замкнутая политическая система, когда власть необходима для сохранения доступа к экспортным добывающим и транзитным

мощн
цион
над в
в Каз

В 1
зывает
бы за
в кот
ража
высш
лидер
ры эн

С
расту
энер
тран
в пер
шую
зию

П
наль
форм
энер
тяже
криз
нени
режи
води
при
«вне
пост
ших
общ
мич
проф

Е
Е
рез

энергетического фактора на эту ситуацию и, как следствий государств постсоветского экспорта такого политическим оказывает негативное влияние стран-экспортеров, энергетических систем. Высокие цены на мировые рынки, в условиях неразвитых политический разделения властей, сосуществование экономическим базисных режимов, обоснованных (Туркмения, Белоруссия) в постсоветском пространстве являются; прежде всего гидроэнергетических источников по их транспортировке на новые властные группировки; постсоветские кланы или региональному, земляческому (Азербайджан), семейному (Казахстан) принципу. В условиях, обильно подпитываемые или транзитные энергетические классы, замедляет или контролирует со стороны правящей элиты (Туркмения, Белоруссия) со внешне является политическим расширяя свое влияние на все государство и неразвитого механизма для всех стран постсоветского механизма принятия решений, начинает паразитировать в инстинктах. Постепенно возникает когда власть необходима для добывающим и транзитным

мощностям, доходы от которых вкладываются в поддержку функционирования авторитарных режимов, обеспечивающих контроль над властью. В наибольшей степени данная тенденция проявилась в Казахстане, Туркмении и Белоруссии.

В итоге стремление к политической «стабильности» на деле оказывается декоративным прикрытием ожесточенной клановой борьбы за доступ к доходам от экспорта и транзита энергоносителей, в которую оказываются вовлечены не политические силы или выражающие их интересы политические партии, а отдельные отряды высшей номенклатуры, разделенные на кланы силовые ведомства, лидеры властных группировок, контролирующие те или иные сферы экономики, связанные с энергетикой.

Связь между устойчивостью власти, с одной стороны, и быстро растущей добычей энергоносителей и использованием транзитных энергетических коммуникаций, ростом доходов от продаж или транзита, с другой стороны, в наибольшей степени проявившаяся в первые годы нового столетия, создала широко распространенную в обществах государств постсоветского пространства иллюзию состоятельности молодых национальных государств.

Подмена многолетнего упорного поиска собственных национальных стратегий, выработки моделей экономического развития, формирования собственных политических классов эксплуатацией энергетического фактора обрекает большую часть стран СНГ на тяжелые структурные политические и социально-экономические кризисы. Уязвимость национальных экономик от малейших изменений в условиях поставок энергоносителей заставляет правящие режимы маневрировать на внутреннем политическом поле, проводить показательные конституционные реформы (Казахстан), предпринимать попытки консолидировать общество перед лицом «внешней угрозы», внедрять варианты сценария «осажденной крепости», пропагандировать «национальные» особенности сложившихся авторитарных обществ (Белоруссия, Грузия и т.д.). Однако общее ощущение нарастающей политической и социально-экономической нестабильности представляет собой одну из основных проблем на постсоветском пространстве.

Борьба за энергетический транзит

Вторая половина первого десятилетия XXI в. оказалась периодом острого обострения борьбы за энергоресурсы на постсоветском

пространстве. Энергоносители в силу энергетического кризиса, охватившего мир и выразившегося в росте цен на сырую нефть и природный газ, оказались идеальным экспортным товаром благодаря не только своим потребительским свойствам и качествам, но и политическому значению выхода на мировой энергетический рынок стран — поставщиков газа и нефти (Казахстан, Туркмения, Азербайджан). Борьба энергопроизводителей за выход на платежеспособные рынки и попытки перехвата энергетического транзита оказались ключевой проблемой на постсоветском пространстве в последние пять-семь лет.

Инстинкт самосохранения правящих кругов как стран, испытывающих дефицит энергоносителей (Украина, Белоруссия, Грузия; Молдавия), так и государств — поставщиков газа и нефти на мировом рынке (Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Узбекистан) заставляет их искать новые возможности для экспорта и транзита энергоносителей на европейские рынки. При полном политическом содействии как самого ЕС, так и европейских стран, выступающих основными инициаторами создания альтернативных российским коммуникаций (Польша), и под общим патронатом США в конце 1990-х годов была создана политическая платформа для обеспечения контроля над транзитными территориями, на которых можно построить новую, обходящую Россию транзитную энергетическую инфраструктуру, обеспечивающую доставку энергоносителей из региона Каспия и Центральной Азии, — региональный блок ГУАМ (на первоначальном этапе в блок входил Узбекистан).

Однако свою задачу ГУАМ выполнил только частично. Созданные новые нефтяные и газовые коммуникации (нефтепровод Баку — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум) или оказались недогруженными (Баку — Джейхан), или имеют региональное значение, не влияя в целом на мировой рынок энергоносителей. К новым коммуникациям так и не удалось полноценно подключить ресурсы Центральной Азии и Казахстана (последний отправляет определенную часть своей экспортной нефти в нефтепровод Баку — Джейхан), для транзита в Европу каспийской нефти не используются мощности украинского нефтепровода Одесса — Броды.

В жесткой конкурентной борьбе с западными и китайскими корпорациями в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане и Туркмении российские нефтяные компании далеко не всегда смогли занять доминирующие позиции в добыче углеводородов. Последние неудачные попытки в первые годы XXI в. поставить под контроль

транз
терри
и «Тр
обход
зался
ная с
ских
нефт:
В
«Сев
пров
тельс
кото
морс
зульт
няю
и Заг
ключ
росси
миче
рам
поль
ство
В
мен
прог
газо:
нен
лиям
ског
Р
при
кап
«Си
«Лу
Кас
СШ
рос
I
в и
Чер

энергетического кризиса, рост цен на сырую нефть и портным товаром благо-
юйствам и качествам, но
пировой энергетический
(Казахстан, Туркмения,
елей за выход на плате-
а энергетического тран-
юстсоветском простран-

ругов как стран, испыты-
льна; Белоруссия, Грузия;
ов газа и нефти на миро-
кмения, Узбекистан) за-
для экспорта и транзита
ри полном политическом
ких стран, выступающих
ернативных российским
атронатом США в конце
атформа для обеспечения
, на которых можно по-
зитную энергетическую
вку энергоносителей из
региональный блок ГУАМ
(Узбекистан).

олько частично. Создан-
никации (нефтепровод
илиси — Эрзерум) или
хан), или имеют регио-
мировой рынок энерго-
д. не удалось полноценно
и Казахстана (последний
портной нефти в нефте-
вропу каспийской нефти
нефтепровода Одесса —

падными и китайскими
, Азербайджане и Турк-
далеко не всегда смогли
е углеводородов. После
поставить под контроль

транзитные газовые и нефтяные коммуникации, проходящие по территории Украины, Грузии и Белоруссии, российским «Газпрому» и «Транснефти» пришлось обратиться к практике строительства обходных энергетических коммуникаций, первой из которых оказался введенный в 2004 г. нефтепровод «Белорусская трубопроводная система (БТС)», оставивший нефтяные терминалы прибалтийских стран, прежде всего Вентспилса (Латвия), без российского нефтяного транзита.

В 2005 г. началось сооружение наземного участка газопровода «Северный поток». В 2006 г. на проектную мощность вышел газопровод «Голубой поток» (Турция). В мае 2007 г. российское правительство утвердило проект строительства нефтепровода БТС-2, который позволит уже с конца 2008 г. перекачивать в порт Приморск на побережье Финского залива 50 млн т сырой нефти, в результате чего нефтепровод «Дружба», четыре десятилетия выполняющий роль основной нефтяной магистрали в страны Восточной и Западной Европы, станет коммуникацией, обеспечивающей исключительно белорусские НПЗ. Попутно прекращение транзита российской нефти по нефтепроводу «Дружба» не оставляет экономических перспектив польским, венгерским и немецким операторам нефтепровода. В частности, угроза банкротства нависает над польским оператором PERN, что, без сомнения, вызовет недовольство ЕС.

В мае 2007 г. президент РФ во время поездки в Казахстан и Туркмению согласовал проекты строительства Прикаспийского газопровода (30 млрд куб. м), реконструкции старой, еще советской газопроводной системы Средняя Азия — Центр. В случае исполнения двух прикаспийских проектов планы по строительству усилениями Азербайджана, Украины, Польши и Турции транскаспийского газопровода окажутся сорванными.

Россия, активно участвуя в конкурентной борьбе за туркменский природный газ, имеет определенное преимущество — российский капитал лидирует в инвестициях в туркменскую экономику. ОАО «Силловые машины», КамАЗ, АФК «Система», «РУСАЛ», ТНК и «Лукойл» ведут переговоры о разведке туркменского шельфа на Каспийском море. В отличие от Казахстана, где инвестиции из США оставили российский бизнес далеко позади, в Туркмении российские инвестиции доминируют.

В дополнение к газотранспортным проектам в Центральной Азии в июне 2007 г. было подписано соглашение о сооружении по дну Черного моря газопровода «Южный поток» (Краснодарский край —

Болгария), обеспечивающего перекачку в Южную Европу более 30 млрд куб м природного газа, что фактически лишает каких-либо перспектив европейский газовый проект «Набукко». Во всяком случае, в стратегии «Газпрома» прослеживается тенденция к выносу газотранспортных узлов за пределы постсоветского пространства. Одним из таких центров по распределению российского газа, поступающего в Европу в обход Украины и Белоруссии, становится Болгария.

Согласование 15 марта 2007 г. проекта обходящего пролив Босфор нефтепровода Бургас — Александруполис фактически обезцеливает украинско-польский проект продления украинского нефтепровода Одесса — Броды до польского Плоцка с дальнейшим выходом на Гданьск (Гданьский НПЗ). Ситуацию с нефтяным транзитом на южном фланге окончательно запутал старт строительства турецкого нефтепровода Самсун — Джейхан, рассчитанного на перехват российской и казахстанской нефти уже вне постсоветского пространства.

Проблема сохранения российского контроля над энергетикой постсоветского пространства

В итоге к середине 2007 г. российские энергетические компании получили проектное преимущество в сооружении новых энергокоммуникаций, решающих, с одной стороны, проблему организации противодействия попыткам создания трубопроводов, обходящих российскую территорию. С другой стороны, новые коммуникации должны в перспективе лишить Белоруссию и Украину монопольного контроля над российским энергетическим транзитом.

Однако говорить о полной и окончательной победе России в тяжелой конкурентной борьбе за сохранение энергетического доминирования на постсоветском пространстве пока не приходится. Все вновь проектируемые и уже возводимые транзитные мощности представляют собой исключительно финансово емкие объекты, окупаемость которых растянется на 7—10 лет эксплуатации. Разворачивая строительство обходных и иногда дублирующих энергетических коммуникаций, Россия решает проблему обеспечения безопасности своего экспорта энергоносителей в Европу. Используя исключительно собственные средства, Россия обеспечивает (укрепляет) энергетическую безопасность Европейского Союза, что, однако, далеко не приветствуется самим ЕС, и, несмотря на существующее

ющее м
игроки
бители
интерес

Как
так и н
2007 г. I
как раз
в Еврог
инстру
вать ев
ставщи
энергет
ем новь
коммун
развити
странст
квой и
Эстони
гетичес
свою эк

Упор
проекто
зопрово
шей час
приводи
ветоком
соглаше
с России

В час
печении
тировке
проекти
куб. м в I
каспийс
ния. Пре
что газа
Назарба
нефти яв
здесь нет
требуют

Эжнюю Европу более
лишает каких-либо
«жукко». Во всяком слу-
тенденция к выносу
етского пространства.
российского газа, по-
лоруссии, становится

ходящего пролив Бос-
ис фактически обесце-
ния украинского неф-
Илоцка с дальнейшим
цию с нефтяным тран-
ал старт строительства
ан, рассчитанного на
уже вне постсоветского

контроля транспорта

энергетические компании
ении новых энергоком-
проблему организации
опроводов, обходящих
, новые коммуникации
Украину монопольно-
м транзитом.

ьной победе России в
ие энергетического до-
ве пока не приходится
е транзитные мощности
воемкие объекты, оку-
эксплуатации. Развора-
блирующих энергетиче-
му обеспечения безопас-
и в Европу. Используя
ия обеспечивает (укреп-
ейского Союза, что, од-
и, несмотря на существу-

юшее мнение, что «в ней (энергобезопасности) заинтересованы все
игроки (Россия и Белоруссия, Запад и Юг, производители и потре-
бители)», европейские страны не помогают России в борьбе за ее
интересы в Европе, а даже усложняют отстаивание ее прав.

Как во время российско-украинской «газовой войны» 2006 г.,
так и на энергетическом этапе российско-белорусского кризиса
2007 г. ЕС оказывался на стороне стран-транзитеров, чья политика
как раз и приводила к кризисам с поставкой углеводородного сырья
в Европу. В итоге ЕС, используя Белоруссию и Украину в качестве
инструмента давления, фактически вынуждает Россию обеспечи-
вать европейскую энергетическую безопасность за счет самого по-
ставщика, т.е. Российской Федерации. Отсутствие согласованной
энергетической политики между РФ и ЕС чревато возникновени-
ем новых энергетических кризисов на транзитных энергетических
коммуникациях и составляет одну из серьезнейших проблем для
развития энергетической инфраструктуры постсоветского про-
странства. Ярким примером отсутствия согласованной между Мос-
квой и Брюсселем энергетической политики являются попытки
Эстонии заблокировать строительство включенного в список энер-
гетических приоритетов ЕС газопровода «Северный поток» через
свою экономическую зону в Балтийском море.

Упорное лоббирование ЕС и США собственных энергетических
проектов в Закавказье и Центральной Азии (транскаспийский га-
зопровод, газопровод «Набукко» (Австрия — Турция) и т.д.), боль-
шей частью не обеспеченных реальными сырьевыми запасами,
приводит к дестабилизации энергетической ситуации на постсо-
ветском пространстве, ставит под сомнение ранее заключенные
соглашения поставщиков энергоносителей из Центральной Азии
с Россией о строительстве новых транзитных мощностей.

В частности, руководство Туркмении — ключевое звено в обе-
спечении выполнения уже заключенных соглашений по транспор-
тировке природного газа по российским коммуникациям, включая
проектируемый прикаспийский газопровод мощностью в 30 млрд
куб. м в год, — не исключает своего участия в строительстве транс-
каспийского газопровода по дну до сих пор не разделенного Кас-
пия. Президент Туркмении Гурбангулы Бердымухамедов заявил,
что газа «хватит на два проекта». Президент Казахстана Нурсултан
Назарбаев также говорит, что «диверсификация поставок газа и
нефти является выгодным для нас условием. Никакой политики
здесь нет. Возрастающие объемы добычи Казахстаном нефти и газа
требуют такой диверсификации». Активное газовое сотрудничество

с Ираном — Иран является вторым после России партнером Ашхабада в газовой сфере, Туркмения поставляет в Иран до 8 млрд куб. м газа в год — позволяет Ашхабаду строить планы по расширению своего газового экспорта на юг (Пакистан, Индия) и восток (Китай). Южное и прежде всего западное направление туркменского углеводородного экспорта активно лоббируют США, ЕС и руководство Грузии, предпринявшие в первой половине 2007 г. беспрецедентные усилия для втягивания руководства Туркмении в строительство транскаспийского газопровода. По данной проблеме 11–13 мая в Польше был проведен специальный энергетический саммит президентов и представителей высшего руководства Литвы, Украины, Польши, Азербайджана, Грузии, Казахстана, где был подписан меморандум по строительству транскаспийского газопровода, адресованный прежде всего ЕС и США.

Парадоксальность идеи транскаспийского газопровода заключается в том, что цель и задачи запланированного газопровода не имеют ничего общего с его влиянием на рынок газа в западной части постсоветского пространства и Центральной Европе даже в случае его постройки и скорейшего вывода на планируемые мощности. Реальные объемы «альтернативного» газа, поставляемого в Европу (включая Украину и, возможно, при определенной технической модернизации Белоруссию) по проектируемому газопроводу, не превысят 30–50 млрд куб. м, что не только не «обрушит» цены на природный газ, но и приведет к выравниванию цены на газ по формуле «средняя европейская цена» (в 2007 г. 250–270 долл. за 1 тыс. куб. м) по всей длине пока планируемого транскаспийского газопровода.

Часть транскаспийского газопровода построена — это введенный в конце 2006 г. газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум. Однако поставка азербайджанского газа в Грузию (около 1 млрд куб. м в год) была произведена по цене «Газпрома» — 230 долл. за 1 тыс. куб. м. Аналогичная ситуация должна сложиться и в случае постройки транскаспийского газопровода — цена за газ для Украины (основного лоббиста транскаспийского газопровода) вырастет до почти европейского уровня.

Единственный поставщик газа, способный резко понизить в Европе цены на природный газ, отказавшись от «нефтяной формулы» расчета газовой цены, находится вне постсоветского пространства. Это Иран. Возможно, европейский проект «Набукко» и был рассчитан на подключение к иранским газовым месторождениям.

В целом, Россия пока сохраняет и даже наращивает возможности для стабильного контроля над основными потоками углеводоро-

родов на г
роста рос
Туркмени
ний в неф
новых неф
ции деятел
всего Касп
руководств
но сохрани
потенциал

Наряду с
тета, выраб
исполнител
ветском прс
системы эн
возможно п
рыночных о

Дестабили
странства не
ально-эконо
Одновремен
бильности п
торитарные
тия политич
дивают стран
международн
сверхдержав

Современн
стве в целом
разрыв склад
структуры, ра
ка стран СНГ
ей чередой п
«войн», стиму
ских коммуни
ция на постсс
ность за наруп
по традиции в

России партнером Аш-
вляет в Иран до 8 млрд
роить планы по расши-
систан, Индия) и восток
направление туркмен-
лоббируют США, ЕС и
ервой половине 2007 г.
уководства Туркмении в
ода. По данной пробле-
иальный энергетический
евого руководства Литвы,
и, Казахстана, где был
транскаспийского газо-
и США.

го газопровода заключа-
ного газопровода не име-
к газа в западной части
ой Европе даже в случае
планируемые мощности.
поставляемого в Европу
еленной технической мо-
ому газопроводу, не пре-
«обрушит» цены на при-
цены на газ по формуле
270 долл. за 1 тыс. куб. м)
спийского газопровода.
построена — это введен-
илиси — Эрзурум. Одна-
ию (около 1 млрд куб. м
ма» — 230 долл. за 1 тыс.
житья и в случае пост-
цена за газ для Украины
азопровода) вырастет до

ный резко понизит в Ев-
от «нефтяной формулы»
советского пространства.
«Набукко» и был рассчи-
месторождениям.
е наращивает возможн-
ыми потоками углеводо-

родов на постсоветском пространстве. Однако без опережающего
роста российских инвестиций в нефтегазовые отрасли Казахстана,
Туркмении, Узбекистана, расширения участия российских компа-
ний в нефтяном секторе Азербайджана, активного строительства
новых нефтяных и газовых транзитных коммуникаций, оптимиза-
ции деятельности уже функционирующих нефтепроводов, прежде
всего Каспийского трубопроводного консорциума, российскому
руководству и российским энергетическим компаниям будет слож-
но сохранить отношения взаимовыгодного партнерства со своими
потенциальными конкурентами на постсоветском пространстве.

Наряду с проблемами сохранения государственного суверени-
тета, выработки национальных моделей развития, легитимизации
исполнительной власти проблема энергобезопасности на постсо-
ветском пространстве является одной из приоритетных. Создание
системы энергобезопасности на постсоветском пространстве не-
возможно при сохранении по своей сути советских остатков вне-
рыночных отношений между Россией и ее соседями.

Дестабилизация энергетического рынка постсоветского про-
странства неизбежно приведет к тяжелым политическим и соци-
ально-экономическим кризисам по периметру российских границ.
Одновременно энергетический фактор, проблема сохранения ста-
бильности поставок энергоносителей в Европу консервируют ав-
торитарные политические системы, содействуют стагнации разви-
тия политических классов молодых независимых государств, втя-
гивают страны постсоветского пространства в сложные глобальные
международные проблемы, они оказываются объектами политики
сверхдержав и ближайших соседей.

Современная политика США и ЕС на постсоветском простран-
стве в целом является контрпродуктивной и направлена как раз на
разрыв складывающейся десятилетиями энергетической инфра-
структуры, распад только обозначившегося энергетического рын-
ка стран СНГ. Попытки Запада решить спорные вопросы с Росси-
ей чередой подталкиваемых транзитных газовых и нефтяных
«войн», стимулированием проектирования обходных энергетиче-
ских коммуникаций синхронизированы с перекройкой сфер вли-
яния на постсоветском пространстве. При этом ЕС всю ответствен-
ность за нарушения гарантий поставок энергоносителей в Европу
по традиции возлагает на Российскую Федерацию.